

СЕРГЕЙ ДЫШЕВ

НАЕМНИК

УЗНИК

«ЧЕРНОЙ ЛУНЫ»

Сергей Дышев
Узник «Черной Луны»

«ЭКСМО»

2001

Дышев С. М.

Узник «Черной Луны» / С. М. Дышев — «Эксмо», 2001

Владимир Раевский, бывший офицер спецназа, едет в воюющее Приднестровье и там в качестве наемника вступает в батальон Приднестровской гвардии. Ему, брошенному в водоворот сложнейших политических и военных событий, приходится пережить нечеловеческие испытания. Плечом к плечу он сражается в рядах настоящих героев, не посрамивших честь российского воинства. Кровавым огнем залито левобережье Днестра, в эпицентре людских страстей горят автомобильные колонны, рушатся мосты, взрываются селения. Раевский, чудом выживший в этом аду, получает от командования Приднестровской гвардии приказ взять под защиту стратегические склады ядерного оружия, к которым рвутся молдавские полицаи...

© Дышев С. М., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Дышев Узник «Черной Луны»

* * *

В темный слякотный вечер (грязь плюс снег) я сидел в кафешке и подводил кой-какие итоги своей жизни. На мне, как всегда, любимая, но изношенная джинсовая пара, армейские хромачи с голенищами под штанины, а также общевойсковой бушлат в камуфляжный раскрас. Последние две детали туалета – небольшое, что осталось от моей службы в погранвойсках. Все остальные пришлось бросить или раздарить своим бывшим (теперь уже бывшим) сослуживцам Петренко, Савуку, Гринюку, Лабуненко и другим. Они остались на границе, если, черт побери, это можно сейчас назвать границей, я получил документы о разводе и еще кучу каких-то маловразумительных справочек, документиков, штампованных записочек. После чего мне дали под зад с пожеланием поскорей вытуриваться из республики. Невзирая на мое этнически приемлемое ФИО: Раевский. Это я. Владимир Иванович. Возраст до тридцати. Без выходного пособия. Без определенного места жительства. Образование – высшее. Без вредных привычек. Без гроша в кармане.

Тем не менее я сижу и пью пиво и стараюсь надолже растянуть кусочек бифштекса, который я сладострастно вымазываю в остатках соуса на дне фольговой тарелочки. Так я и не стал капитаном. Хотя сейчас все равно. А вообще бы неплохо звучало... Капитан... Де Тревилль! Шпаги к бою! Н-да... Сейчас вон тот идиот, который сидит в углу и зыркает на меня исподлобья, явно захочет учинить скандалеццо. Причем именно со мной. Я ему, на сто процентов даю гарантию, очень сильно не нравлюсь. Хотя бы потому, что меня раньше в этой грязной дыре никогда не было. А он здесь, видите ли, родился, вырос, любил, страдал и так далее. Мне его рожа кривая тоже абсолютно не по сердцу, но это же вовсе не повод выравнивать ее при помощи кулака.

Так и есть, встает... Сейчас подойдет, нависнет рядом, начнет искать какой-нибудь дурацкий повод, чтобы прицепиться. И, конечно, найдет. Здоров битюг, ничего не скажешь. Такие при падении в пунктах общественного питания издают страшный грохот. Ну что ж, значит, придется драться, и с теми тремя, что за его столиком, тоже. С этим делом, слава богу, знаком, хотя давно уже не разминался... Главное, собраться, этакое веселое чувство злости, адреналинчику в крови чуть-чуть побольше бы... «Бейте в печень. Она большая», – как говорил мой учитель. Но сначала, наверное, я заеду ему под коленку. Не вставая. Потом – в переносицу и мордой об стол, а лучше об кружку. А для ребят – уже «канкан». С четвертым разделаюсь без проблем. Главное, чтобы у них пушек не было и больше никто не вмешивался. Со всей Расторгуевкой воевать, пожалуй, сил у меня не хватит...

Амбал уже рядом. Так, что же ты мне скажешь... «Добрый вечер, не желаете ли в морду»?

– Товарищ старший лейтенант, извините, вы меня не узнаете? – шепчет мне верзила вдруг очень таким чиновничьим голосом, что меня от неожиданности тут же начинает разбирать смех.

Во-первых, потому что я никакой не старший лейтенант, а обыкновенный эсэнгэвский бомж, а во-вторых, потому что я с трудом узнаю в этой сытой ряхе рядового Кобытова по кличке Жердь.

– Это ты, Жердь?! – Я встаю, и мы очень трогательно облапываем друг друга. Меня прошибает слеза. Длительная череда всяческих неприятностей явно подорвала мою нервную систему. Даже самые скупые мужские слезы – не в моих правилах.

– Я, товарищ старший лейтенант! – радостно стонет Жердь.

– Ох и морду ты разъел, – шепчу я растроганно, – а я уже изготавливался, как бы тебе ловчее промеж глаз въехать.

– А я вас сразу узнал, товарищ старший лейтенант. Только все думал, откуда вы тут, в нашей Расторгуевке? В командировку приехали?

– Да нет, проездом. А ты чего делаешь в этой дыре?

– Это мой родной поселок, – с обидой в голосе ответил Корытов. – Я здесь родился, вырос...

– Любил и страдал... понятно. А чем занимаешься? Женился?

– Не-е... Что я, дурной, что ли?

– Правильно. Значит, и не страдал.

– Мы тут с ребятами, – Корытов кивнул на троицу, которая с интересом следила сейчас за нами, – выгодное дельце затеяли.хлопотное, конечно, не без этого, но нам как «афганцам» ссуду выделили. Закупили мы поросят. Стали откармливать – а они взяли и все передохли. Тоска... Оказывается, им холодно было, да и корма не те были. В общем, залезли еще в долги, решили не сдаваться, прописались в своем свиномнике. У одного нашего, вон тот, лопухий, жена не выдержала, ушла. Говорит: «Был ты свиньей, живешь со свиньями – и сдохнешь вместе с ними». Ну а сейчас такие дела, товарищ старший лейтенант! Деньга в оборот пошла, прямые поставки с магазинами и ресторанами... Каждый из нас по машине, по «девятке», купил. Та дура к лопухому, представляете прикид, вернулась. А он ей, ну комик, говорит: «Мне на свиньячье лицо смотреть гораздо приятнее, чем на твою харю».

Ваня трепался про свои свинские дела, я терпеливо слушал этот «взахлеб», а в голове моей голодной, поглотившей за последние два дня всего лишь хилую котлету, мучительно, исподволь роились навязчивые видения. Я смотрел на огромные, как совковые лопаты, Ванюшины руки, представлял, как они споро взрывали острейшим ножом кабанье брюхо, как шмякались пудово на солону разноцветные кишки, селезенки, почки, перламутровая печень, бордово-свекольное сердце с синевой прожилок и мышц, все это дымящееся скопище органики, синтезирующее жизнь; срывал толстенную шкуру, отбрасывал ее в слякотную кучу. Ах, какие у него крепкие пальцы! А в трещинках – грязь и поросычья кровь.

– Кровь-то пьешь? – спросил я в тон своим видениям.

– Что? – не понял Ваня. – А-а, это конечно... Первое дело. А потом шмат горячего сала из-под брюха, крупной солью – и водочкой.

Меня затощило, я сглотнул слюну. Отожрал рожу на свинных бифштексах... А Ваню понесло...

– Вырезаешь шмат окорока, отобьешь его хорошенько для приличия – и на раскаленную сковородку, да перца щепоть. Возьмешь его, а он пылает, сочится, юшка красная течет. Потом этот кусман в укусе повалешь... А что мужику еще надо, товарищ старший лейтенант? Здоровый труд, здоровая пища, да и чтоб деньги водились... А у кого бабки, – он хмыкнул жизнерадостно, – у того и девки...

Ваня самодовольно похлопал себя по брюху, в глазах-щелочках искрилось, не могу выразиться по-иному, «простое человеческое счастье». Кажется, он уже оценил и понял мое печальное положение и, возможно, вот-вот начнет давать житейские советы. Тот самый Ваня Жердь, жалкий, худой и нескладный, который лет пять назад попал в мои заботливые и чуткие руки. Теперь же, предвосхищая логику разговора, надо скорей закруглять этот жизнерадостный треп, сунуть на прощание руку преуспевающему свиноводу и катиться подальше из этой мерзопакостной Расторгуевки, славной глубинки-кормилицы, края чистейшего воздуха и неслабеющих мужиков.

Из-за Ваниного столика поднялся лопухий и направился к нам.

– Я извиняюсь, – начал он, – ты б своего товарища к нам пригласил.

– И то верно, – спохватился Корятов. – Пойдемте за наш стол, товарищ старший лейтенант. Вы ж не торопитесь?

– Тороплюсь. У меня поезд скоро.

– Какой поезд, скорый? – заботливо стал выпытывать Ванечка.

– Да любой. Пора уже на станцию.

– Ага, на станцию... В нашей Расторгуевке, товарищ старший лейтенант, поезда не останавливаются. Разве что товарняки иногда.

– Интересно, – говорю я, – что это за порядки у вас такие, если я сюда на поезде приехал, то почему же не могу уехать?

– Вы, наверное, выпрыгнули, товарищ старший лейтенант, из поезда.

Корятов всегда был догадливым мальчиком, но рассказывать подробности у меня не было никакого желания.

Я все же сажусь за столик, к угловатым сытым парням, тискаю руки, Ванечка торжественно меня представляет, мы весело пьем водку и закусываем килькой в красном соусе. Ребята откровенничают, говорят, что свинину уже терпеть не могут, поэтому самая паршивая рыбная консерва им в сладость и так ностальгически напоминает афганские харчи. Я молчу, мне все равно. Вслед за рыбой Корятов вновь нахваливает меня, потом мы бодро встаем, гремя стульями с паучьими ножками, бредем к выходу, шлепаем след в след по пробитой в сыром снегу тропе, среди чернильной глухой ночи. Уже слегка подмораживало.

– А вот и наша ферма! – минут через десять объявил Ваня.

Естественно, меня тут же потащили в свинарник – длиннющий черный сарай с маленькими оконцами. Белого халата мне не дали, но я все же не удержался:

– А потом Председатель Президиума посетил образцовую свиноферму и выступил перед знатными животноводами. На прощание высокий гость съел молодого поросенка.

Свиньи, завидев своих хозяев, тревожно захрюкали: поди разбери, с какими намерениями пришли среди ночи. В плохоньком свете их почти человеческие глаза вопросительно поблескивали из-под вздрагивающих белесо-нордических ресниц.

– Запах, конечно, не очень... – начал комментировать Корятов. – Но ведь это ж живые деньги!

«Живые деньги» вдруг нервически расхрюкались, и, как оказалось, не случайно. Лопухий вытащил из-за перегородки поросенка, который яростно верещал под аккомпанемент вытья своей мамы.

– Ну что, хрюша, пойдешь с нами? – невозмутимо вещал лопухий, почесывая свиненку за ушами.

– Не ходи, хрюша, – отозвался один из моих новых знакомых свиноводов. – Он тебя хочет съесть!

– Ладно, ребята, пойдём! – сказал Корятов, и мы пошли в избу, которая была шагах в десяти.

Во дворе лопухий довольно быстро прикончил поросенка, приговаривая: «Спокойной ночи, малыши», освежевал, и буквально через десять-пятнадцать минут розовые куски плюхнулись на сковородку. Все произошло именно так, как я мучительно себе представлял в самом начале нашей встречи. Потом я вгрызался в тающую плоть, мы вновь радостно пили водку, впрочем, в радость был именно я, наверное, как свежий человек в их чертовом захолустье. Мы произносили третий тост – за погибших в Афганистане, ругали почем зря все нынешние порядки, и мату под конец было больше, чем обычных неругательных слов.

Когда ребята свалились, мы глаз в глаз остались с Ванюшей.

– Еду в Приднестровье, – сказал я.

– А что – уже «афганцев» собирают?

– Многие уже там. Но у меня особая причина.

Я замолчал, потому что мне вдруг пришла мысль завербовать с собой Ванюшу. У него прекрасное качество: он не суетлив.

– Поедешь со мной?

– Опять воевать? – потускневшим голосом сказал Корытов.

Он надолго устался на обгрызенный мосол, потом с трудом встал, полез в закуток под кровать, долго гремел пустой стеклотарой, после чего извлек еще одну бутылку водки.

– Надо выпить, – сообщил он, неуверенно посмотрев на меня.

– Надо, – сказал я.

И мы выпили. Потом Ванюша опять полез под кровать, вытащил оттуда рюкзак и, пошатываясь и гремя табуретками, которые все время попадали ему под ноги, стал его молча укладывать. Меня потянуло ко сну. Сквозь тупую дремоту я слышал, как Ваня продолжал натывать на табуретки, бубнить что-то себе под нос. Очнулся я в положении «голова на столе». Рядом лежал исписанный страшными каракулями листок. Я попытался прочесть его. «Ребята, международное положение отяготилось. Я не имею права...» – прочел я с большим трудом. Дальше было что-то очень жирно зачеркнуто, последующие строки были словно изжеваны и потом выплюнуты на бумагу, и я, обессилевший от попыток прочесть, рухнул головой на стол.

Очнулся я от того, что меня кто-то настойчиво тряс за плечи. Пришлось разлепить глаза. Листок лежал на месте. Правда, мне показалось сначала, что он елозит по поверхности, но потом я сообразил, что это таким образом воспринималось – меня елозили.

– Хватит... – промычал я, и Ваня прекратил.

– Вот, – сказал он сурово и прибавил: – Товарищ старший лейтенант.

– Что – вот? – промычал я уже с чувством возмущения.

– Письмо им оставил. – И он взял тот самый листок и тихим голосом зачитал его содержание: «Ребята, международное положение отяготилось. Я не имею права бросить своего командира, когда всякие суки лезут через реку. Они все суки, и мы с командиром обломаем всем рога, когда я приеду. Приказ командира – это закон. Старшим остается Костя. Чтoб сви́ньи не сдохли. Ясно? Я поехал. Привет из Приднестровья».

– Костя – это лопухий? – спросил я.

– Нет, это вон тот, который в сапогах спит.

– Куда идем?

– На автобус. Через двадцать минут отходит. Махнем в райцентр, а там на поезд сядем.

Мы сполоснулись из хрюкающего стерженьком-затычкой умывальника, вытерлись, Ваня завернул остатки поросенка в газету, бросил в рюкзак, туда же положил круг домашней колбасы. Ребята лежали как трупы на поле боя, и лишь храп свидетельствовал об их жизненных силах.

– Не поминайте лихом! – грустно сказал Ванюша и вслед за мной вышел на улицу.

Мы бодренько зашагали по утреннему морозцу. Еще было темно, завывал ледяной ветер. Мне вспомнились почему-то ночевки в зимних афганских горах. Не то что из-за ветра – из-за чувства собственной заброшенности, когда понимаешь, что никому ты на этом свете на фиг не нужен. А если вдруг сдохнешь – так лишние заботы твоим таким же никудышным и несчастным товарищам. С буха да с недосыпона в голову идет самая гнусь и мразь. Пишут там разное про зомби. Так уж лучше таким быть, чем ковыряться в своих мыслях и чувствах и получать от этого только страдания.

– Ваня, ты знаешь, кто такие зомби?

– Зомби? – переспросил Ванюша. – Ни разу не слышал.

– Ты чего, газет не читаешь?

– Не-а. А на кой черт их читать?

– Верно, – сказал я и позавидовал его счастливому неведению.

– А что это такое – зомби?

– Как-нибудь потом расскажу.

Что хорошего есть в Ванюше – он не суетлив. Вот обвалился ему на голову бывший боевой командир, который еще в армии его доставал, мало что доставал, так и сейчас покою не дает, тянет черт знает куда, от хорошего дела, друзей, баб... Я знаю, Ванюша непревзойден в том, что он никогда не суетится. И хрен его знает, что там ждет впереди, какая зараза или напасть подстерегает, бывший рядовой Корытов, не изнывая от нерешительности, рефлексии и нравственной дисфункции, бодро написал завещание товарищам по свинарнику, назначил старшего и сам поступил в распоряжение старшего по званию. И все у него – как само собой разумеющееся.

В Тирасполь мы решили добираться через Одессу. Дорога была, как всегда, скучная, гнусная и, конечно, долгая. Один раз мы воспользовались товарным поездом, правда, он почему-то поехал в обратную сторону. Но мы тут были ни при чем. Перепутал или машинист, или диспетчер. Не знаю, как диспетчеру тому, а машиниста очень долго поливали матом на какой-то гадкой станции, где мы в конце концов были остановлены, то есть я имею в виду товарный состав. Станция называлась то ли Переухово, то ли Череззадово, в общем, в этих местах я еще никогда не был. Мы слезли, посочувствовали машинисту, потому что в этом сволочном Переухове никто ему, кроме нас, не сказал доброго слова. Через час мы тронулись в обратный путь. Машинист, чумазый всей нижней частью лица, выказал нам доверие и посадил в тепловоз. Нам было приятно. За время пути пришлось узнать массу ненужной информации. Оказалось, что состав везет башни от танков (или танки без башен – уже не помню), был очень сильно перегружен, и, когда впереди намечался даже небольшой подъем, поезд чухал и задыхался, как астматический старикашка.

– Колесики проскальзывают, – сочувствовал тепловозу машинист.

Его помощник (а может быть, это был старший) спал сидя и время от времени нажимал на какой-то клапан, который чего-то там спускал. Рядом с ним беззвучно трепетал самописец, про который машинист с уважительной ненавистью сказал: «Наш шпион – все фиксирует, гаденыш!...» И он стал долго и скучно размышлять на тему, что бы случилось, если бы они из-за неразберихи этой столкнулись с каким-нибудь другим составом.

– Мы, конечно, всмятку, но масса эшелона у нас – ого-го! Разметал бы их километра на два. Может быть, конечно, и меньше, но разметал. У нас железо, слышь, как чухает? Зверское железо! Вас бы двоих, естественно, тоже бы не нашли: прыгай не прыгай – все один кал...

Потом он начал рассказывать про всякие аварии, и я понял, что парень решил повыпендриваться, дескать, глядите, шланги, какая у меня героическая профессия, прямо-таки трагическо-героическая. В общем, тоскливый парень, и мне пришлось сказать ему со вздохом, что мы вот с Ванюшей в свое время в Афгане на «ползе брюхали». Он не понял, я ему еще раз таки дословно повторил, и, конечно, он подумал, что мы блатные.

Через два часа эшелон, слава богу, остановился на том самом месте, где мы на него залезли. Перед расставанием машинист выдал нам военную тайну, сообщив, что башни отправляют в Бантустаны. Но нам надо было в Приднестровье, а сначала в Одессу.

В Одессе тоже было слякотно, но уже теплей. Я показал Ванюше Дерibasовскую, Потемкинскую лестницу и Дюка Ришелье, про которого мой дорогой Корытов спросил:

– Это тот самый, кого три мушкетера шпагами проткнули?

Я сказал, что это другой, но Ваня, похоже, не поверил. Чтобы скоротать время и заодно поднять общеобразовательный и культурный уровень моего подопечного, я предложил сходить в оперный театр. Ваня мучительно согласился. Как я и предполагал, роскошь и внутреннее убранство театра не произвели на Корытова никакого впечатления. Но как он рыдал на представлении! Опера была про украинскую сельскую дивчину, которую соблазнил и покинул русский офицерик-корнет. О противозачаточных средствах, конечно, ни черта не слышала

– родила ребенка. Родители-изверги, ясное дело, поперли ее из дому... Она – в воду. Утопилась... Вроде бы все правильно, но мне, как бывшему русскому офицеру, все же обидно: почему великому украинскому поэту соблазнителем-налетчиком надо было делать обязательно русского офицера, как будто в родном селе недостаточно было своих удалцов. Ваня истекал слезками, он не был русским офицером, а мне хотелось крикнуть словами другого классика: «Очень своевременная вещь!» Только не подумайте, что я такой заполитизированный, и девушку мне было жалко опозоренную, хотя она, конечно, дура. Ей потом после спектакля кучу цветов понабросали. А офицер-москаль так и не вышел, наверное, побоялся, что морду набьют.

Наутро, переночевав в военной гостинице, мы отправились в Приднестровье. Поезда туда не ходили, потому что местные женщины своими телами накрыли рельсы, и с тех пор железнодорожники не рисковали. Автобусы ходили не всегда. Работали всякие частные ребята, порядком приклатненные и на вид весьма крутые. Но нам было по фигу. Сговорились с одним фиксатом на двести рублей.

Ехали довольно долго, а все из-за того, что через каждые десять-пятнадцать километров нас останавливали и проверяли. И чем дальше – тем чаще. В конце концов фиксатый остановился и сказал, что дальше не поедет, потому что опасно. После долгой паузы он пояснил, что мог бы, конечно, рискнуть. Я тоже выдержал паузу и очень спокойно тогда заметил, что он уже рискует.

– Надо бы добавить, – стал объяснять он, будто мы были неразумные дети.

И тогда я дал ему в челюсть и сказал, что если надо, то могу добавить еще. Но водитель все сразу понял, пробурчал «черт с вами», и в конце концов мы приехали в славный город Тирасполь – город жизнерадостных мужиков, веселеньких длинноногих девочек (что, черт побери, сразу бросается назойливо в глаза), солнечных улиц в пыльной зелени, молдавского и всякого прочего вина, город, где мы сразу подумали, что здесь мирно живут русские, украинцы, молдаване, евреи, цыгане, немцы, белорусы, венгры, и никому не должно быть никакого дела до того, какого цвета у тебя нос, размера уши и кто ты вообще по паспорту.

В общем, все нам с Ванюшей сразу понравилось. Хотя он первым же делом направился на почту – дать телеграмму с указаниями своим свинским компаньонам. Вернулся он почему-то грустным и сообщил мне, что без него загубят все дело. Я ничего не сказал, кроме того, что надо бы поселиться в гостинице.

Но сначала мы вышли к зданию Верховного Совета. Гвардейцы в черном и такого же цвета беретах остановили нас на входе, и, пока мы выясняли, где надо регистрироваться и вообще заявлять о себе как прибывших в республику единицах, появилась внушительная дама, тоже в черном, и надменно спросила:

– Кормлены?

– Нет! – в один голос доложили мы.

Тогда она повернулась к двум безмолвным женщинам, стоящим навтыжку, и кратко распорядилась.

Нас тут же пропустили внутрь здания и под женским конвоем повели в подвальное помещение, где накормили борщом, солеными огурцами и тушеным мясом. Рядом жевали бородастые казаки, которые не обращали на нас никакого внимания. После чего, опять же под конвоем, нас выпроводили на улицу, сказали, как добраться до штаба гвардии.

Но в штаб мы в тот день не пошли. В гостинице я решил наконец поведать моему спутнику, что же подвигнуло меня сняться с противоположного края вселенной и рвануть на берега Днестра. Мы провалились в наши пружинистые койки, вина или чего еще, скрашивающего наше одиночество, не было, так как местные власти объявили сухой закон – увы, при битком набитых спиртным магазинах это было невыносимо. Продавщицы, нагло улыбаясь, отказы-

вали; плебейски канючащие мужики подымали их, белохалатых и зобастых, на божественную высоту.

– Ты помнишь командира второй роты Валеру Скокова? – спросил я первым делом.

– Как же не помнить, товарищ старший лейтенант! Он же меня, раненного, из-под самого носа у душмана вытащил, в вертолет загрузил, сам ранение получил... По гроб жизни не забуду его.

– Так вот слушай историю. Как и мне, ему пришлось уволиться, когда началась вся эта дурь с границами и государствами. Где он работал – подробностей я не знаю. Получил от него одно письмо, в котором Валерка написал, что воюет в Приднестровье, встретил здесь классных ребят, и вообще здесь идет война за Россию, за русские земли, он имел в виду исконно славянское значение этих земель. Говорил, что пришлось вспомнить уроки Афгана, «афганцев» здесь уважают. Короче, вот такое письмо. Чувствовалось, что доволен. А в конце он написал: сможешь – приезжай, в Приднестровье сейчас решаются судьбы многих русских, украинцев, молдаван; мы не встанем – подгребет Румыния... Да, еще он упомянул, что служит в контрразведке, раскручивает дело... Месяц я собирался с ответом, написал, что в ближайшее время выехать не смогу; а где-то еще через месяц получил письмо, но не от Скокова, а от какого-то мужика – Петра Свиридова. В общем, пропал Валера в ночь на 6 февраля, а подробностей никто не знает, произошло все как-то тихо, непонятно, был человек – и нету. Странное и короткое письмо...

– А что же вы сразу мне ничего не сказали об этом, товарищ старший лейтенант? – Коротков обиженно покачал головой.

– Во-первых, я абсолютно не рассчитывал на твою помощь, даже тогда, когда совершенно фантастическим способом встретил тебя в твоей Расплюевке...

– Товарищ старший лейтенант, – укоризненно вздохнул Ваня, – в Расторгуевке...

– Один черт... Во-вторых, когда мне пришла мысль взять тебя с собой, мне не хотелось говорить о Скокове, потому как поставил бы тебя в щекотливое положение: я тоже, естественно, не забыл, что Валера тебя с того света вытащил. Но ты пошел за мной не раздумывая – и вот тебе моя рука. Кстати, не называй меня старшим лейтенантом – это звучит несколько смешно. Звать меня Володя, если хочешь – Владимир Иванович.

– Хорошо, Владимир Иванович, – пробормотал чувственно Ванечка и крепко сдал мне руку.

Мы обнялись и прослезились.

– Жаль, выпить нечего по этому поводу.

– Деньги есть – найдем, – веско заявил Коротков и похлопал себя по карману.

– Раз так – вперед! – поддержал я и, как всегда с момента нашей встречи, напомнил: – Половина – в счет моего долга. Я фиксирую.

В той самой Расторгуевке я, увы, растратил последние свои сбережения и временно сел на обеспечение Ванюши, у которого деньги были захвачены впрок.

Вино мы сразу не нашли, зато странным образом набрали на музей Г. И. Котовского – героя Гражданской войны. Какая-то сила потянула нас на ступеньки этого одноэтажного дома – вместо того чтобы, как положено здоровым, крепким мужикам и при деньгах, найти питье и заняться веселым и достойным делом. Так нет же... Потом, мысленно возвращаясь к этому мигу или, точнее, «судьбоносному шагу», я часто думал, что вело меня провидение, что все случайности, странности и совпадения, которых к тому моменту накопилось не менее пяти-шести, были отнюдь не хаотическим, независимым от каких-то обстоятельств набором случаев, а predetermined закономерностью, роком, возможно, сидящим в глубине моего сознания, в тайниках души. Это вот и привело. Ванюша, честно говоря, тут ни при чем, он двинул за компанию в эти благословенные края.

Мы вошли. В помещении находились две женщины: одна постарше, другая – совсем еще юная девчонка. Та, что постарше, с удовольствием выслушала наше пожелание глубже изучить жизнь и подвиги знаменитого полководца, девица же, не вставая из-за стола, выписала нам два билетика, которые Ваня тут же оплатил. Я лучезарно улыбнулся ей, она снисходительно кивнула, и мы прошли в зал. Женщина начала обстоятельно знакомить нас с боевым путем Г.И., показывала всяческие схемы с красными и синими стрелами, от которых мне сразу стало скучно. Зато на фотографиях герой был, как правило, колоритен. Мужиком он, конечно, был справным во всех отношениях: и ежели враги шарахались от него как черт от ладана, зато бабы липли, как муравьи на сахар. Огромная тыква на плечах, блеск лысины, соперничающий с блеском орденов. Говорили про него, что он обычный бандит, наверное, и не без этого, да и мало ли бандитов было, которые вовремя сориентировались. Значит, пока хозяйка музея упивалась своим любимцем, прослеживая в который раз боевой путь и ввергая нас в ореол легенд, юная особа незаметно вышла из-за своего столика и волшебным образом превратилась в высокую длинноногую принцессу. Подбоченясь, встала на пороге зала. Я обернулся – и... Григорий Иванович растаял в дымке своих побед. Такой короткой юбочки и таких изящных длинных ног, клянусь, я еще нигде не видел. У меня что-то где-то, а точнее, везде, во всем моем холеном, молодом, мастерспорттовском теле, вдруг сперло. Да так, что я еле смог выдавить этакую небрежную улыбочку, мол, «а, и вы тоже хотите послушать с нами?».

– Интересуетесь? – осевшим голосом спросил я.

– Да нет, все это я уже знаю.

«Все ты знаешь, – мучительно подумал я, – как и то, что когда выходишь сюда во время экскурсии, то все мужики уже ничего не видят, кроме твоих ножек».

– ...Увы, воля судьбы, злой рок оборвал жизнь знаменитого полководца, – донесся до меня, словно из тумана, голос экскурсовода.

«Будет сейчас альковную историю рассказывать, – расслабленно подумал я. – Да, из-за таких вот созданий Красная Армия теряла военачальников...»

– Жена Григория Ивановича, которую он очень любил, была на сносях. Котовский отправил ее рожать в город, а сопровождать послал своего адъютанта. Тот выполнил поручение, вернулся домой. Когда зашел в квартиру, увидел свою жену в объятиях Григория Ивановича. В состоянии аффекта адъютант вытащил револьвер и застрелил обоих. Потом он был осужден, провел долгий срок в лагерях...

– Скажите, пожалуйста, – решил спросить я, – все же как расценить это: с одной стороны – народный герой, а с другой – развратник, бесславно кончивший жизнь от пули обманутого мужа, и тем более в то время, когда собственная жена мучилась в родах.

Женщина понимающе улыбнулась, грустно как-то и задушевно.

– Понимаете ли... Нет людей без недостатков. Человек любил жизнь, женщины были его слабостью. Но все же это не умаляет его заслуг, его героическая жизнь...

– Все понятно, – продолжал упорствовать я, – маленький минус поглощается большим жирным плюсом, каковым являлась жизнь легендарного полководца. И все же... – Я повернулся к обладательнице длинных ног: – А как вы расцениваете эту ситуацию?

– Но это же было подло по отношению к жене! – строго ответила никогда не рожавшая девушка (видимо, с ужасом представляющая себе эту кошмарную неотвратимость).

«Так, все становится ясным, – лихорадочно рассуждал я, – обнаженная инфантка (таковой она уже была в моем воспалившемся воображении) обладает мощным потенциалом нравственности и добропорядочности, а отживающее поколение являет хорошенькие задатки распущенности, по крайней мере, оправдывает». А ведь мне, молодому, холеному, хотелось, черт возьми, пощипать струнки зреющей эротичности длинноножки. От досады я внутренне вспотел (именно внутренне, так как потеть впервые научился лишь южнее г. Кушка). Мое побочное сознание (которое, как и сейчас, обозначается заключенным в скобки) иногда пребывает

основное. Поэтому я запнулся и не знал, что и сказать. Это были какие-то краткие мгновения, импульсы, говорить и пересказывать их просто долго, я вообще за словом в карман не лезу, и если запинаясь хоть на секунду-другую, то потом меня прорывает, дай бог остановить только, говорить могу часами. А впрочем, я молчун – слова лишнего не вытянешь.

– Да уж, подло... – наконец сказал я и подумал, что сейчас ни в коем случае нельзя смотреть на девушкины ноги – потому как вышесказанное будет лицемерием. А я не такой.

Возникла дурацкая пауза, в которой дураком явственно ощущался почему-то именно я.

– Да он тоже хорош, – вдруг брякнул Ванечка. Он, оказывается, тоже очень внимательно слушал наши нравственные дебаты и, надо полагать, успел оценить билетершу, хотя знаем мы его добротные крестьянские вкусы. – Адьютант... Бросил рожавшую женщину, не дождался, пока родит. А ведь, наверное, получил задачу дожидаться и сообщить: мальчик или девочка. Вот из-за невыполнения приказа командира – и все беды.

«Ах ты, моя милочка, – подумал я. – А сколько раз я гонял тебя чистить сортиры за это самое невыполнение!»

Экскурсовод засмеялась и сразу похорошела:

– Какие же вы еще дети!

Я – опять-таки внутренне – покраснел: меня(!) сравнивали с этим детским садом!

– Все беды от женщин! – изрек я и ужаснулся своей банальности.

Девушка скривила ротик, а ее старшая коллега с улыбкой заметила:

– Не поверю, что женщины так уж досадили вам в вашей жизни, молодой человек.

– Ну, не то чтобы уж досадили, но вот героя Гражданской войны...

Девушка повернулась и пошла в прихожую – за свой столик.

За ней как-то боком, на цыпочках, поплыл Кoryтов. Она села, он положил лапы на стол, изогнулся огромной колбасиной и забубнил что-то слащавое. Меня чуть не вырвало от досады и отвращения, я подчеркнуто равнодушно повернулся задом (т. е. спиной) и с преувеличенным вниманием стал интересоваться ранним периодом жизнедеятельности тов. Котовского. Мудрый, всепонимающий взгляд тут же исчез с лица экскурсовода, и она вновь вдохновенно зашебетала о своем любимце.

А ранний период я выбрал потому, что все эти стенды, картинки и прочая находились рядом с прихожей, где ворковал мой Ванюша с его поди разбери какими вкусами.

– А как вы думаете, Котовский смог бы навести здесь порядок? – спросил я.

– О! Ему бы хватило двух недель. За три дня он дошел бы до Кишинева и разобрался со всеми нашими врагами. Это же сказочный богатырь, то, что не под силу простому человеку, для него было просто и естественно, самые фантастические поступки и дела...

Пока я вникал в историю, Кoryтов полностью переключился на девушку:

– Поверьте, я понимаю, что ваш край богатый и вы тут все умеете. Но я не договорил. Даю свои уши на отсечение, вы, Лена, никогда не ели настоящей кровяной колбасы. Это просто чудо! Забиваешь молодого поросенка, сцеживаешь кровь, это тоже особое искусство...

– Ой, только не надо таких подробностей, – умоляла девушка. – Я, честно говоря, маленькая обжора и люблю вкусно покушать...

«Надо же, успел уже познакомиться. А с виду и не скажешь, такой увалень», – подумал я с завистью.

– А вы, я вижу, приезжие? – вежливо поинтересовалась экскурсовод.

– Да, мы приехали помогать защищать Приднестровье.

– Что-то не очень верится, – заметила Лена.

– Ну, зачем же так, Леночка, – укоризненно произнесла женщина. – А откуда вы приехали?

– Я с Дальнего Востока. А мой товарищ – из самой Расторгуевки, слышали?

– Это, наверное, где-то в Сибири? – догадалась экскурсовод.

– Верно! – расцвел Ванечка.

На вино мы вышли в подворотне ближайшего магазина. Дядя в кепке, даже не потрудившись изучить наши лица, принес в целлофановом пакете несколько «букетов», разумеется, Молдавии и, каким-то чутьем все же угадав в нас приезжих, отрекомендовал: «Очень душистое!» И мы надушились. Потом были казаки, с которыми мы повздорили. Они схватились за шашки, чтобы пошинковать нас, но как-то мы помирились и даже хлестали с ними свеженький коньяк, вынесенный с коньячного завода. Появился патруль, нас хотели замести, но казаки уладили, налили и патрульным. Потом мы с Ванюшей потеряли друг друга и нашлись возле музея Г.И. Котовского. Тут у нас и родился план залезть в музей и вытащить шашку Григория Ивановича. Казаки раззадорили нас, нам тоже очень хотелось иметь красивое холодное оружие, болтающееся небрежно сбоку. Мы долго пьяно убеждали себя, кивали согласно головами и в конце концов, естественно, нашли себе моральное оправдание: шашку мы возьмем на время, Котовскому она сейчас все равно не нужна. Повоюем – и вернем. Ваня достал из штанов свой огромный свинобой, широким лезвием ловко подцепил щеколду замка и открыл дверь – несмотря на алкогольное опьянение. Я пробормотал, помнится, что таких выдающихся порочных способностей ранее за ним не наблюдал.

Ваня сказал:

– Я еще не то могу!

Мы вошли в дом, включили свет; здесь все было, конечно, по-прежнему, те же схемы, фотокарточки и бумаги. Только помещения показались мне сейчас маленькими, смешными и слегка накрененными. Я уселся на стол, а Ванюша принялся отдира́ть шашку от стены. Меня стал разбирать смех. Ваня пыхтел, какой-то умелец явно перестарался, присобачивая оружие так серьезно и надолго, как говорил Ильич. Я вообще люблю цитировать классиков, причем в любом состоянии и любой ситуации. Бывало, даже девушки обижались на меня и считали ненормальным. Представляете, после пылкого поцелуя я очень серьезно вворачиваю:

«Только социализм принесет подлинное раскрепощение женщине, даст безусловные гарантии всестороннего развития».

Тут раздался прямо-таки зубовой скрежет: скобы вместе с Ванюшей отделились от стены и рухнули на пол. Попутно мой товарищ зацепил витрину с картинами, послышался хруст стекла, стон... Но самое главное – Иван не выпустил из рук оружия. Он поднялся, безмолвно шагнул ко мне и протянул шашку, держа ее двумя руками. Я принял оружие, внутренний голос тут же мне подсказал, что надо вытащить его из ножен и поцеловать. Я так и сделал, ничего себе не порезав. Потом мы вместе долго возились, пока прицепили шашку на мой бок. Лишь после этого выключили свет, захлопнули дверь – и ночной Тирасполь принял нас в свои объятия.

В гостинице на нас никто не обратил внимания, мы виртуозно прошли по коридору, открыли ключиком наш номер и рухнули на кровати.

Утром нам было очень стыдно перед Г. И. Котовским. Я думаю, что за это он бы нас непременно расстрелял. Или изрубил на кусочки этой мерзкой шашкой. В общем, смотрели мы на нее из-под своих одеял примерно так, как два злодея смотрят на умерщвленное накануне тело.

– Владимир Иванович, – заговорил первым Корытов, – зачем нам эта шашка?

– Бить врагов мировой революции, – выхаркнул я в ответ, не в силах более глядеть на валявшееся на полу оружие.

– Нас посадят, – убежденно продолжил Ванюша.

– Угу. А учитывая военное положение, казнят без суда за мародерство.

– Куда б ее деть? – вслух начал мечтать соучастник преступления.

– Бесплезно, нас видели в гостинице. И самое печальное, Ванюша, – меня тут потянуло на чернй юмор, – нам отрубят головы, причем именно этой шашкой. Здесь это практикуется за мародерство. Те же казачки, с которыми мы кирыли, это и сделают с превеликим удовольствием.

– Точно? – Ванюша посуровел.

– Абсолютно.

Он встал, хмуро уставился на шашку, вытащил ее из ножен.

– Я ее сейчас на куски изломаю! – вдруг взревел Корытов и, уперев клинок в пол, согнул в три погибели.

– Стой! – заорал я. – Не ломай, я пошутил.

Ваня отбросил шашку в угол, она сердито звякнула.

– Про что пошутили?

– Про отрубание головы... Сейчас мы пойдем и отнесем ее обратно.

– Надо бы завернуть, – подал здравую мысль Ваня.

– Не надо. Мы напишем заявление. Вырви листочек из моего блокнота, возьми ручку и пиши: «В УВД г. Тирасполя. Заявление. Вчера, возвращаясь в гостиницу, вечером, около 21 часа, возле музея Котовского мы заметили что-то блестящее. Оным оказалась шашка, которую мы незамедлительно решили сдать в ваше учреждение». Все, ставь дату, фамилии и подписи.

– А может, написать, что это шашка Котовского?

– А вот этого не надо, дорогой мой человек!

Я нацепил шашку на бок, и мы вышли на улицу. На нас никто не обращал внимания, хотя, конечно, видик у меня был опереточный. Мы подошли к музею, я отцепил шашку и решительно вошел внутрь. Первое, что мы увидели, – заплаканные глаза женщины-экскурсовода. На лице ее отпечаталось безграничное горе, девушка же разговаривала с кем-то по телефону. Я молча протянул шашку, твердо глядя в заплаканные глаза. Буквально несколько мгновений, но какой вихрь чувств отразился в женском лице:

1. Трагическая отрешенность, едва заметно начинающая переходить в...

2. Краткий, подобно вспышке, испуг.

3. Взметнувшиеся в недоумении ресницы, округлившиеся глаза.

4. Порывистый вздох, дрогнувшие уголки рта, изумление.

5. Дернувшиеся ко мне руки, шквал восторга, мгновенно посветлевшие глаза.

6. Вновь испуг, вероятно, от блеснувшей полумысли-полудогадки: сейчас они расправятся со мной (видно, рожи наши похмельные не вызывали доверия).

7. Глубокий вздох, стон и, наконец, буквально обвал, выплеск радости и счастья, улыбка, озарившая сразу все помещение.

8. Мгновенно повлажневшие глаза, слова, вернее полувсхлип, застрявший в горле.

9. Судорожный глоток.

10. Всхлип.

– Как она у вас оказалась? – наконец задала вопрос Леночка.

– Мы ее нашли, – хладнокровно сказал я.

– Где? – уже пришла в себя женщина, сразу как-то сникнув и посерев лицом.

– На улице, – сказал Ваня.

– Да, тут недалеко, – добавил я.

– Мы ее сразу узнали! – радостно сообщил Корытов.

– Даже хотели отнести в милицию, – я вытащил наше заявление и помахал им как платочком, – но потом передумали. Проще ведь было сразу принести вам.

– Зачем чесать за ухом задней ногой? – поделился Ваня народной мудростью.

– Да, действительно, – согласилась женщина.

Она бережно, как будто этой штуковиной и не разваливали черепа, приняла шашку. Мне даже показалось, что она тоже сейчас поцелует ее. Впрочем, я бы и не удивился. Женщина понесла оружие в соседнюю комнату, Леночка проводила ее жалостливым взглядом и вздохнула:

– Маргарита Павловна так переживала, так переживала. Спасибо вам огромное.

Маргарита Павловна вернулась и стала так горячо и сердечно благодарить нас, что от стыда я чуть не признался, как мы «нашли» шашку. Потом она долго рассказывала, как вошла утром в музей, как обнаружила разбитую витрину, а потом – отсутствие шашки. Она позвонила в милицию, и те обещали прислать следователя.

– Вы дождетесь его?

– Нет, мы вообще-то спешим, – твердо сказал я.

– Еще раз огромное вам спасибо. – У Маргариты Павловны вновь брызнули из глаз слезы.

– Ну что вы, что вы так расстраиваетесь, – пробасил Корытов и великодушно добавил: – Честных людей на земле немало.

– Странно только то, что шашку стащили и потом потеряли... – заметила Лена.

– Наверное, они были сильно пьяными, – высказал догадку Ванечка.

– Да, все это как-то странно, – пробормотал я, чувствуя себя препаршиво.

– Бывают же негодяи! – с неподдельным возмущением продолжил Ванюша. – Этой шашкой отрубить бы им руки, а потом голову! Выкрасть национальную реликвию!

– Ну, молодой человек, – засмеялась Маргарита Павловна, – вы уж чересчур суровы. Может быть, те люди одумались и решили оставить шашку. А где вы ее нашли?

– Да тут рядом, на земле лежала, – поспешил сказать я, пока Ваня не брякнул какую-либо глупость.

– И блестела! – добавил он.

– Ну, мы пойдем, – сказал я.

– Ой, право, даже не знаю, как отблагодарить вас, – застонала Маргарита Павловна. – Может, благодарственное письмо отправить на ваше место работы?

– Я нигде не работаю, – поспешил я пресечь ее попытки, – а Ване в его свинарнике тоже, наверное, ни к чему. Он кооператор, – все же смягчил я неблагозвучное слово.

Но Ванюша даже не подумал обижаться.

– Я, в принципе, не против. Если хотите, можете написать в мою родную школу. Там и портрет мой висит под заголовком «Герои и подвиги».

– Может, от милиции будет ценный подарок... – продолжала не сдаваться Маргарита Павловна. – Я, право, не знаю... А приходите ко мне в гости, я вас такими пирогами угощу.

И она написала адрес на клочке бумаги и вручила мне.

– Приходите, – сказала Леночка, но адреса не оставила.

– Вы меня тоже приглашаете? – нагло спросил я.

– Вы хотите получить персональное приглашение? – ушла от ответа девушка.

– Да, – уже скромней ответил я.

– Вообще-то я имела в виду наш музей.

– Хорошо, благодарю. При случае непременно посетую.

– А вы, Леночка, тоже приходите, вместе будет веселее, – радостно предложила Маргарита Павловна. – Давайте сегодня вечером.

– Сегодня, наверное, не получится, – отказался я.

Ваня посмотрел на меня с укором.

Мы сидели в кафе и просто замечательно проводили время. Рядом со мной сидели боевой товарищ Иван Корытов и прекрасная девушка Лена. На ней, к сожалению, были голубые джинсики, а вернее, к счастью, иначе бы я все время невольно таранился на ее хрупкие коленки. Мы трепались о всякой всячине, не подозревая, какие неприятности ждут нас впереди. Лена

все чаще улыбалась мне, и я старался вовсю, вычерпывая со дна моей памяти все запасы остроумия. Исподволь я пытался прочесть в ее искрящихся глазках, какие истинные чувства она испытывает ко мне, ибо женщина – существо настолько обманчивое (или обманывающее) и непостоянное, что верить ей, конечно, нельзя, и уж если связывать свою судьбу, то быть готовым не только к тысяче и одному наслаждению, но и к тысяче напастей и как минимум одному летальному исходу.

Итак, я уже взял ее милую ладошку в свою руку, испытывая при этом трепетный озноб. Видно, когда Всевышний создавал это чудо природы, я имею в виду всего лишь женскую ручку, он сделал все так, чтобы даже маленькая, с тонкими пальчиками штучка, с голубыми прожилками, розовыми острыми ноготочками, – всего лишь маленькая часть, фрагмент, *деталь* этого, гм, организма – поражала, восхищала, возбуждала, приводила в соответствующее состояние соответствующие струнки, нервные окончания, заставляя мужеполого становиться в некотором роде *рабом* этой изящной штучки, впрочем, и всего остального. Таинственного, гм, и непознанного.

В общем, понятно, что я немного очумел. Кстати, в этот раз мы практически ничего не пили, если не считать шести бутылок сухого вина и двух коньяков. Лена совсем не пила – и это мне нравилось. Ваня абстрагированно наблюдал за моими ухищрениями и налегал на вино в смеси с коньяком. В общем, я очумел от Ленки. Вино ни при чем. Я был такой смешной, что ничего не видел вокруг, кроме Ленкиных глаз, лучистых и удивленных. И еще мне казалось, что, чем больше я сегодня выпью, тем скорее понравлюсь девушке. В моей голове будто периодически высвечивалась алая надпись вроде тех, что в салоне самолета, например: «Пристегните ремни». Вот я и пристегивал, точнее, подстегивал. Думка у меня была такая: «Тут, в Молдавии, все мужики крепко зашибают и, значит, самые доблестные, которые не косеют». Идиотская, конечно, мысль, но вот высвечивалась, хоть ты лопни.

А потом я почувствовал, как кто-то потрогал меня за плечо. Даже скорее похлопал, потрепал небрежно, мол, «эй, ты почему?». Я повернулся и увидел мена, в кожанке, среднего роста и вдобавок смазливо-чернявенького. Сразу было понятно, что это стопроцентный нахал.

– Что надо? – спросил я нахала.

– А ну, давай вали отсюда, – сказал он очень разморенно, как будто я его утомлял три часа своими воспоминаниями. – Вали и ты тоже, – повторил чернявенький и небрежно кивнул в сторону Ванечки.

– Борис, как вы смеете! Это мои друзья! – пришла в себя Леночка.

– Спокойно, Ленок, это мужские дела, – кривовато улыбнулся нахал и крепко положил руку мне на плечо. Да еще и сжал.

И зря. Потому что я, как и положено неоднократному чемпиону, мастеру спорта по различным мордобойным и костоломным видам спорта, автоматически сделал захват с поворотом, и мой визави смел своим лицом всю посуду со стола. «Старею!» – мелькнуло у меня в голове, потому как не входило, ей-ей, не входило в мои скоротечные планы приземлять тело на столик, пугая девушку. Еще я помню расширившиеся глазки Вани, в которых застыл краткий, как молния, восторг. А потом, вслед за грохотом последней разбивающейся бутылки, меня окутал тугой, как от близкого разрыва снаряда, темный, всасывающий звук, поглощающая меня масса. Конечно, после всего этого потемнело. Помню еще какие-то хроникально-документальные обрывки: я со стулом, Ваня со столом, какие-то уродливые лица, вопли, какие-то дружные молодчики, крутившие нам с Ваней руки и веером разлетавшиеся по сторонам; «Убить их, убить!» – такой еще запечатлелся голос. Вот только не могу сказать точно, чей это был голос. Возможно, даже мой. А вот Леночку уже не помню. Она будто растворилась, исчезла голубой сигаретной дымкой, погасла одинокой звездочкой, затянутой и скрытой мокрой от слез тучей... Да и не могла она существовать в том безобразии...

Потом нас везли в зарешеченной машине какие-то пацаны с автоматами. Они были одеты в камуфляжную форму и, кажется, очень ею гордились. Привезли в какую-то комнату, ярко освещенную, там сидел милицейский майор, который сразу одарил нас хмурой улыбкой и сказал:

– Ну что, бандиты, покуражились? Сейчас вот составим приговорчик и шлепнем во дворе... Нефедов! – рыкнул он внезапно. – Ручку! Хотя зачем ручку? Формальности... Нефедов!

– Я, товарищ майор! – качнулся высокий длинноухий увалень, который с такой же ухмыляющейся рожей торчал в углу.

– Ты автомат почистил после вчерашних расстрелов?

– А я всегда чищу – хоть после вчерашних, хоть после сегодняшних! – емко ответил он.

– Давай! В расход их на хер. Только патронов много не жги!

– Да я одним их замочу. В затылок поставлю – и мозги за горизонт, – продолжали изгаляться стражи порядка.

– Где их документы? – рявкнул майор.

Один из камуфляжных пацанов шагнул вперед и протянул майору отобранные у нас книжечки, корочки, бумажники – и выложил маленькой, аккуратненькой стопочкой перед начальником.

– «Раевский Владимир Иванович», – торжественно прочел майор и поднял на меня взор. – Твой родственник герой двенадцатого года?.. – И, не дождавись ответа, продолжил: – Да откуда у пьяни могут быть такие родственники... О, «афганское» удостоверение. Воевал, значит? А второй? Корытов. Неплохо. Иван Петрович! Тоже «афганец»... Ну, ладно. – Майор зевнул, видимо, потеряв к нам всякий интерес.

– В камеру их. До утра. А там посмотрим.

Лишь утром, как говорится, с золотым лучом солнца, мы смогли тщательно осмотреть друг друга. У меня под глазом был хороший фингал и очень болел копчик. Видно, какая-то свинья уделала меня ботинком. Скорее всего дружки того смуглеца. У Вани распухла губа и указательный палец; похоже, он его свернул.

Дверь отворилась, как пишут в романах, с отвратительным скрежетом. На пороге стоял милиционер.

– Доброе утро! – воспитанно нарушил паузу Корытов.

– Выходи! – сказал милиционер. – По одному, руки за спину.

Мы так и сделали. Повели нас в дежурную комнату.

Бессонный майор хмуро посмотрел на нас.

– Ну что, бандиты, скажете? – спросил он.

– Разрешите с товарищем попрощаться? – сказал я.

– Какого черта вы сюда приехали? – со злостью проговорил майор.

– Так... Повоевать немножко, – ответил я как можно равнодушнее.

– Повоевать... В кабаках сражения устраивать?

– Так получилось.

– Ладно... Благодарите эту девочку, которая за вас заступилась. Вот, целую петицию составила. – Он приподнял со стола листочек и помахал им в воздухе. – А то бы закрутилось. Свидетелей бы нашли – не отмылись бы. В общем, забирайте свои документы и катитесь отсюда как можно дальше. Это мой совет. Ясно, декабрист?

«О, успел подначитаться истории», – подумал я.

– И не дай бог вам попасться еще раз тем... деятелям. Все понятно? Свободны! Выход – прямо и направо.

Мы забрали документы и молча ретировались.

– Напугал, – пробормотал Корытов, когда мы вышли на улицу. – Я это что еще уделаю, пусть только попадется мне...

– У-у-у-у, – выродил я тяжеленное, как запорный экскремент, междометие. – Что-то не так устроено в этой жизни! Никак не могу понять, почему наш благородный порыв привел нас в кутузку... Наверное, есть такая закономерность: делаешь гадости – тебе спасибо говорят, душу нараспашку развернешь – тебе тут же поспешат в нее нахаркать...

– Куда мы пойдём сейчас, товарищ старший лейтенант? Может, в музей, скажем Леночке «спасибо» за то, что она нас защитила?

К Ленке я бы, конечно, пошел, тем более был предлог. Но что-то внутри меня удержало, не знаю почему, может, я почувствовал, что именно сейчас этого делать не стоит. Задворками своего умишка я понимал, что встреча эта непременно разведет нас и та едва заметная эмоциональная сближающая нас тропка исчезнет, будто смытая волной. А точнее – при виде наших обугленных от пьянства и позеленевших от мордобоя рож... Поэтому я сказал:

– Сейчас не стоит... – И присовокупил очень вдумчиво: – Не то время нынче, Ваня.

И мы вспомнили, зачем сюда ехали, зачем бросили все, зачем, в конце концов, стырили пашку героя Гражданской войны, – мы приехали искать пропавшего друга, мы приехали в воюющее Приднестровье.

Мы пришли, а точнее, *прибыли* на сборный пункт, может, назывался он и по-другому, здесь копошились различные бедовые новобранцы и посмеивающиеся деды с усами, иногда с проплешинами, иные бородатые, как первоисточники марксизма. Тут, среди родной мне солдатчины, всего этого кирзово-лихого духа, все же весело пахивало партизанщиной. Но не мне, бывалому десантнику, наводить было здесь порядки. Поэтому мы с Ваней тут же по молчаливому согласию прикинулись юными пионерами-романтиками. Правда, нас довольно быстро вычислил прапор с лицом хмурой селедки, который задавал анкетные вопросы и ковырялся дотошно в Ванином военбиле (военном билете) и моем удостоверении лиофзапа (личности офицера запаса). Конечно, он мало чего понял в четырехзначном номере пограничной в/ч, спросил, не ввэшники ли мы. Пришлось разуверить – «Нет-нет, служили просто на границе». Кто хоть раз побывал офицером на передовой, знает, как иной раз хочется побыть просто рядовым. Вот и мне захотелось на пару с Корытовым. А прапору сказал, что служил в основном в интендантских должностях: он явно хотел меня захомутать, углядев записанную должность в удостоверении: «начальник заставы». Ведь я еще ни черта не понял, что здесь творится, – и сразу напрашиваться на какие-то командировки! Хотя, может, я и переоценивал себя, селедочный прапор уж точно не произвел бы меня в полководцы...

– О дальнейшем вам скажут, – сообщил прапорщик и вяло пожелал нам удачи.

Во дворе нас построили. Майор в выцветшем комбинезоне пытался расставить всех по росту, но у него ничего не вышло. Каждый становился с дружкой или землячком, чтоб при распределении попасть вместе. И мы с Ваней тоже встали рядом.

– Равняйся! – прокричал майор. – Ну что вы стали змеей?

– Еще не стали гвардейцами, а уже стали змеями! – прогудел кто-то из строя.

– Ребята, где тут грудь четвертого человека?

– Просто четвертая грудь!

– Сиська...

– Отставить разговоры! – сурово отреагировал майор. – Смирно!

Все умолкли. После многозначительной паузы майор сказал:

– Все вы добровольно прибыли для защиты родного всем нам Приднестровья. Цели и задачи ваши, я думаю, всем ясны. Все грамотные. Тех, кто служил в армии, будем набирать в гвардию. Остальные – в народное ополчение, территориально-спасательные отряды...

Пока он все это рассказывал, появился кряжистый подполковник в новеньком камуфляже. Он остановился перед строем, широко расставив ноги, небрежно смерил взглядом

майора, который вешал уже про воинскую дисциплину, потом прошелся вдоль строя, бесцеремонно разглядывая людей. Ходил он враскоряку, и большой живот покачивался под туго обтянутой курткой.

– Орлы, все как один! – грассируя, сделал он вывод и повернулся к майору, который продолжал что-то говорить, хотя внимание стоявших в строю уже сосредоточилось на подполковнике. – Ну, ты все сказал? А то ребятам, может, писать хочется...

Майор дернул уголком рта и умолк.

– Так, братва, кто в Афгане служил, шаг вперед! – приказал он, а сам стал, уперев руки в боки. У подполковника было крупное и красное лицо, а носик – маленький и вздернутый, отчего он напоминал пороссячий пятачок.

Мы с Ваней переглянулись и вышли. Шагнули вперед еще два человека.

– Я – командир батальона республиканской гвардии подполковник Хоменко, – объявил он. – В Афганистане был командиром десантно-штурмового батальона.

Он приблизился к нам, смерил взглядом меня, потом Ваню.

– Рабовладелец... – прошелестело из строя.

– Кто там вякает? – резко отреагировал подполковник.

Желающего назваться не оказалось.

– Где служил? – уткнул он мне палец в грудь.

– Мотоманевренная группа, погранвойска.

– А ты? – ткнул он Корытова.

– Там же, – ответил Ваня.

Хоменко прищурился, пристально посмотрел мне в глаза, потом глянул на других, вышедших из строя, но они ему не показались.

– Офицер? – продолжал спрашивать комбат, шупая меня белесыми глазами.

– Старший лейтенант запаса, – ответил я, чувствуя, как исходит от Хоменко подавляющая энергия.

– Почему в запасе?

– Отказался принимать украинскую присягу.

– Ну и что... В Россию чего не перевелся?

– Послал всех к черту. Да и ранение было...

– Ну и правильно, – пророкотал Хоменко. – Здесь работенка найдется поважнее... Пойдешь ко мне в батальон. И ты, здоровый, – ткнул опять Ванюшку, – тоже. Берите шмотье – и за мной!

Он повернулся и зашагал к выходу. Мы подхватили сумки и поторопились за ним. На улице его ждали четверо вооруженных парней в десантной форме, с короткоствольными автоматами. Они тут же прекратили разговор, взяли оружие на изготовку.

– Этих – в третью машину! – приказал комбат на ходу, быстро уселся в первую черную «Волгу», охрана заняла вторую и третью «Волги». На нас это произвело впечатление.

– А что, братцы, – спросил я, усевшись с Корытовым на заднее сиденье, – далеко ли путь держим?

«Братцы» – водитель и двое парней – промолчали. Потом один из них повернулся и заметил:

– Первое правило здесь – не задавай вопросов. Что надо – тебе объяснят.

– Спасибо, – сказал я, – но у меня есть и свои правила. И вообще, я не люблю, когда меня держат за идиота.

– Ух ты, крутой! – отреагировал парень.

– Смелый! – поддержал водитель.

– Это очень хорошо, в жизни пригодится, – добавил парень.

Мне стало скучно, и я отвернулся. Вслед за кавалькадой из трех машин двинулись два бронетранспортера. «Любит себя комбат Хоменко», – подумал я.

Кавалькада на высокой скорости двинулась к Днестру. Прошло буквально десять-пятнадцать минут, мы пересекли несколько постов, проехали, не останавливаясь, на ту сторону Днестра и оказались в славном городе Бендеры – городе улыбчивых людей, на улицах которого ныне спокойно можно получить пулю в живот.

Пока мы ехали, один из охранников, который сидел с нами рядом на заднем сиденье, все же разговорился. От его конопатой физиономии тянуло чем-то притягательным. Наверное, все дело было в его мясистом курносом лице. Знаете, есть такие жизнеутверждающие лица, с ними можно выпить и побалагурить без предварительного знакомства. Вот он и начал просвещать насчет местного колорита. И получалось у него так, будто мы какие-то знакомые его туристки, скажем, из его родного села, а он, везунчик, устроился в городе и теперь с охотой распространялся о своем новом жилье.

– Тут, ребя, не зевай. Места экстремальные, максимально приближенные к боевой, – радостно рассказывал он, поглядывая хозяйски по сторонам. – Вон, вишь, девки идут. С виду ничего, молоденькие, а у самих колени ходуном ходят, как после церебрального паралича...

Тут он высунул свою усатую рожу в окно и громко издал звук:

– Ух!

Две девушки, шедшие мимо, отшатнулись.

– Во, видите, что я говорил! – Он рассмеялся. – Хорошие девахи, молодые, им бы рожать, а тут война, стреляют вокруг, мудофоны эти... Вон, видите, – показал парень на здание, загороженное со всех сторон бетонными блоками. – Там засели молдавская полиция и опоновцы – это все равно что ооновцы, только по-ихнему. Звери, я вам скажу, хуже не сыщешь. Шкуру живьем спустят, а потом пойдут щи хлебать как ни в чем не бывало. А начальник полиции, не поверите, знаете, кто по национальности?

– Эфиоп? – спросил я.

– Русский!!! Сволочь... Полковник, в нашей милицейской форме, со всеми регалиями, значками «70 лет милиции», в кабинете – портрет Ленина. А называется комиссаром полиции и со всей шоблой-воблой готовится сдать всех нас румынам. Бляхер-мухер, ни хрена у них не выйдет... Вот ты кто по специальности? – вдруг спросил он меня.

– Шоферил, грузчиком был, – ответил я уклончиво.

– А ты? – мотнул он головой в сторону Вани.

– А я человек простой – свиновод.

– У-у, почти коллега! А я мясник, твоих хрюшек доводил до кондиции. Ну так вот, скажу вам, кореша, на хрена мне вся эта петрушка нужна. У меня все было. Работа, хата, дача... А придет румын, меня первого турнут отсюда, хотя мои предки тут похоронены до седьмого колена. И дед, и бабка. Прадед у меня в Первую мировую сотником был... Ну да это к делу не относится. Так вот, сперва хохлу, русскому, а потом и молдаванину скажут: ну ты, быдло, пошел на плантацию, героем будешь у меня работать. «Другой сорт. Ду сорте». Верно я говорю, Гриня? – спросил он у водителя.

– Отстань, Петро, надоел... – пробурчал тот.

– А что, эти полицейские так и торчат за стенами? – спросил я.

– Да, сидят там, носа не кажут. Мы их не трогаем, родственников же пускаем. Пусть пока живут...

Так за Петиним трепом мы и доехали до штаба батальона – небольшого двухэтажного здания. Первая машина уже стояла с распахнутыми настежь дверцами. Хозяин, видно, был в штабе. Минут через пять из дверей появился крепыш и коротко бросил:

– К комбату!

Мы прошли по коридору, остановились перед обитой черной шкурой дверью. Таблички не было. Рядом скучал автоматчик.

Хоменко разговаривал по телефону. Он энергично впихивал в телефонную трубку короткие, резкие фразы:

– Э-э... прошмандовка... Седлай ей третью степень... Кончай, это не то... Дурь, говорю. Твоя, конечно... его тоже кастрируем... – Он вздохнул и уже нетерпеливо начал стучать серебряной ручкой по хрустальной пепельнице, доверху набитой разноцветными бычками, папиросами. Виднелись даже окурки с губной помадой. – Значит, будет так... – Он заговорил жестко и нетерпеливо: – Пойдешь и забереешь от моего имени. Все будет только по счету. Все будут платить и никуда не денутся... Все, я сказал.

Из всей этой белиберды я, конечно, ни черта не понял. Я внимательней рассмотрел лицо моего нового командира, его маленькие заплывшие глазки, которые следили сейчас за мухой, ползавшей по периметру пепельницы. Может, эти движения насекомого помогали хозяину кабинета сосредоточиться или, более того, разработать какой-то ему одному ведомый план. Он снял свою шапку; рыжих волос осталось совсем мало: розовую проплешину прикрывали лишь чахлые остатки.

Во время разговора комбат постоянно подпрыгивал, ерзал, потряхивал трубкой, будто хотел взбодрить или взнудать собеседника. Не много я видел людей с такой энергией и к ним отношусь с симпатией, потому что ненавижу сытых и соплевидных – с заторможенным восприятием окружающего пространства. Но было в комбате и что-то настораживающее, я никак не мог понять, что именно...

Муха, наползавшись по пепельнице, продолжала путешествие по столу и наконец свалилась на пол. Это была не совсем обычная муха – у нее оторвали крылышки. Она была антиподом Хоменко, это я понял сразу. И не только потому, что ее лишили возможности летать. Заурядное аморфное насекомое, которое держали, чтобы для каждого новичка оно представлялось символом лени, тупости, убожества и неотвратимости наказания... Вот такое, извините, дерьмо лезло мне в голову, пока я слушал про кастрации и платежи по счетам. Ваня тоже внимательно слушал и даже неожиданно для себя принял стойку «смирно», наверное, генетически привитую во время срочной службы под моим началом. Он слушал, без сомнения, с надеждой ожидая разрешительную и поощрительную команду «вольно». Однако ее не последовало.

Комбат положил трубку и уперся взглядом в наши бесцветные фигуры, видно, пытаясь понять, какого рожна эти типы приперлись в его любимую независимую республику... Но спросил о другом:

– Жрали когда в последний раз?

– Вчера, – сказал я.

Ваня посмотрел на меня с сомнением.

– Ладно, покормят вас, не тоскуйте! В общем, лясы точить некогда. Мои заместители все разъяснят. Подчиняться должны беспрекословно. За дезертирство – расстрел на месте. Не задавать лишних вопросов. О денежном вознаграждении поговорим позже... С оружием, надеюсь, знакомы, погранцы-молодцы?

– Приходилось, – ответил я.

– В Афгане когда воевали?

– С восемьдесят шестого по март восемьдесят девятого, – как бы между прочим назвал я месяц.

– По март? – переспросил Хоменко.

– Да, когда 40-я армия вышла, мы еще были в Афганистане. Последними покидали Афган пограничники.

– Ну-ну, а ты, – ткнул подполковник пальцем в грудь Корицову.

– Полтора года воевал под командованием старшего лейтенанта Раевского, – кивнул Ваня в мою сторону.

– Хорошо. Сейчас получите обмундирование, обед и к вечеру – в Дубоссары. Посмотрим вас в деле. Будешь, старлей, пока в рядовых. А там видно будет, может, и людей дадим.

– Я не настаиваю, – заметил я.

– А я и спрашивать не буду. Прикажу – и будешь командовать. Ясно?

Я неопределенно кивнул.

Вечером, экипированные в полевую, уже бывшую в употреблении форму, с непривычными для нас автоматами с деревянными прикладами (в Афгане у нас были «акаэсы» – со скидывающимися прикладами), мы на «бэтээрах» приехали в Дубоссары. Комбат остался в Бендерах. И мы с Ваней молчаливо согласились, что это к лучшему. Форменка Корытову была явно мала, пришлось ему закатать рукава, штаны – в обтяжку, того и гляди треснут. Вид он сразу приобрел бывалый и вместе с тем блатной.

Я сказал:

– Ты похож на одесского жулика, который дезертировал из армии.

– А вы, товарищ старший лейтенант, без своих звездочек напоминаете офицера из штрафного батальона.

– Спасибо, бывший подчиненный. Как только Хоменко даст мне хотя бы отделение, я заставлю тебя вычистить все сортиры в радиусе пяти километров.

Ване это не понравилось, и он дипломатично сменил тему разговора:

– Владимир Иванович, а почему вы не спросили у Хоменко про Скокова?

– Потом. Не было подходящей минуты.

Мы остановились у здания горисполкома, старший бронетранспортера, пожилой капитан, спрыгнул, скрылся в дверях. Через минут десять он появился, залез на броню, и мы двинулись вновь. Еще через некоторое время мы добрались до позиций. Они находились у Дубоссарской ГЭС. Капитан сказал, что здесь, на этом участке, линия фронта проходит всего в семидесяти метрах от позиций волонтеров.

– Давайте быстро к зданию, – приказал он.

Там, за деревьями, блеснул Днестр. Мы подошли к дому. По всему, здесь было небольшое учебное заведение. Так и оказалось: профтехучилище. На пороге сидели бойцы и смалили. В центре, напротив входа, восседал огромный рыжеусый мужик лет сорока.

– А кого это ты ведешь, Степа? – громогласно спросил он, грозно вытаращившись на нас.

– Пополнение.

– О, это гарно, сейчас идем в атаку, хлопцы. Вон там ящик в углу, берите по пятнадцать...

– По двадцать, батька, – подал голос хлипкий юнец с автоматом, небрежно развалившийся на ступеньках.

– Цыц, Юрка! По пятнадцать гранат. Будем прорывать оборону.

– А может, и в психическую придется идти, – опять вякнул юный, щипнув волосок на губе.

Меня чуть не стошнило от этой щенячьей наглости. Я подошел ближе, сказал «добрый вечер» и остановился как раз перед пацаном.

– Мальчик, скажи, пожалуйста, сколько тебе лет?

– Во-первых, что за обращение – «мальчик»? – прямо-таки суровым голосом заговорил парнишка, мол, только приехали, а такие борзые, будто навоевались тут с три короба. – А во-вторых, возраст здесь не главное, – очень доверительно продолжил он. – Кто хоть раз пороху понюхал...

– Стоп, – сказал я. – Ты случайно не командир роты?

– Нет, – гордо ответил парнишка.

– Тогда ответь на вопрос: чем отличается болван от нахала?

– А это у нас здесь, – он все напирал на это слово, – почти одно и то же.

– Так вот объясняю: болван – это ошибка природы, а нахал – ошибка воспитания.

Усатый гигант коротко хохотнул, за ним заржали другие.

– И вообще, мальчик, – продолжил я, – в то самое время, когда ты ходил в группу продленного дня, мы с Ванечкой Корытовым в разведгруппе ходили по душманским тылам.

– «Афганцы»? – спросил усатый, встал, протянул нам руку: – Вот это действительно пополнение!

Тут появился старший лейтенант в каске, обтянутой маскировочной тканью. Все притихли. Он подошел к нам, поздоровался:

– Я – командир роты, старший лейтенант Кинах. Пойдемте со мной.

Мы вошли в здание, порядком разрушенное, с забытыми наглухо окнами; повсюду валялись отвалившаяся штукатурка, осколки стекла, какие-то тряпки. Зашли в небольшую комнату.

– Садитесь! – сказал Кинах и тоже сел за стол, на котором, кроме полевого телефона, ничего не было.

Он стал расспрашивать нас, кто мы да откуда, уточнил возраст, образование и всякую другую анкетную чепуху. Вопросы он задавал отрывисто, будто чувствовал себя закоренелым следователем. А может, ему было просто скучно и он хотел побыстрее избавиться от нас, потому как не исключено, что ухлопать нас могли, скажем, через пару дней, и тогда все его старания были бы до одного места.

– Что умеете? – спросил потом он и пояснил: – Я понимаю, что Афган, то и се, но у меня был кадр, крутой «афганец», гранатой чуть нас не подорвал.

– Ну, как тебе сказать? – Я пожал плечами. – Стрелять можем. Можем и не стрелять. В морду можем дать, правильно, Ваня?

– Так точно, товарищ старший лейтенант. – Ваня встал и вытянулся во фрунт.

– Сядь, – устало процедил Кинах, потом вдруг вспомнил, что до сих пор сидит в каске, снял ее, со стуком положил на стол. – Оружие пока заберу. Приглядимся к вам. Располагайтесь. Опанасенко покажет вам места. Учтите, коек на всех не хватает. Отдыхайте, а завтра с утра на дежурство в окопах. Вопросы есть?

– Есть. Кормить тоже будете, как приглядитесь? – спросил Ваня.

– Свободны. Все вопросы – к Опанасенко, моему заместителю.

Он порывисто вздохнул, подавил зевок, посмотрел на меня с усталой ненавистью, но ничего уже не сказал, вытащил помятую пачку, извлек из нее еще более измятую сигарету, долго шарил в карманах, отыскивая спички.

– Чего еще? – спросил он меня недовольно. Корытов уже вышел.

– Ты-то как попал сюда?

– Долгая история... Ты извини, но мне поспать надо.

Я кивнул и вышел.

Корытова я нашел во дворе. Примостившись на опрокинутой набок кабельной катушке, он уже уплетал из котелка какое-то варево. Мне стало обидно, что он меня бросил, сам же ловко сориентировался и взахлеб обжирался.

– Приятно подавиться, – пожелал я и направился к баку, где очень симпатичная, почти двухметрового роста дева кормила мужичков. Они называли ее Светочкой, просили добавки, «чтобы быть такими же красивыми, как и ты сама»; она смеялась и, по всему, чувствовала тут себя уютно. Я несмело подошел, она сразу же спросила:

– Новенький? Сейчас, погодите, котелочек помою вам...

Она направилась к крану, который истекал вечной струей, сполоснула, наполнила жареной картошкой с луком и дала еще три соленых помидора.

Я встал рядом с Ваней. Ели мы молча, сосредоточенно. Мы сознавали, что теперь, после того, как нас покормили, мы накрепко повязаны с этими вооруженными людьми, пахнущими потом и табаком, мы подписались на войну с Молдовой на стороне революционного Приднестровья – республики, не признанной ни Украиной, ни Россией, ни прочими субстанциями, вернее и по-простому, небольшой кучкой «пиджаков», которые с умным видом любят выступать перед своими народами.

Тут мои политразмышлизмы прервал дождь. Закапало сначала едва заметно, потом – уже ощутимой моросью, водичка попадала в картошку, и от этого мне она казалась еще вкуснее. Корытов поплелся за добавкой к красавице-гигантше, а я вышел наружу и решил прогуляться. Воздух посерел, откуда-то незаметно наполнился мокрым туманом, дождик по-прежнему сыпал, мельчайший, словно просеянный через сито, и оставлял на лице холодную испарину. И вместе с тем было душно, от прошлогодней листвы шел прелый, землистый дух, а молодые упругие листочки едва слышно шуршали под прикосновениями ветра. Как-то сразу потемнело и стихло, пропали куда-то голоса гвардейцев, и все мои похождения показались ненастоящими, пригрезившимися и смешными. Украденная шашка, Леночка, драка, ночь в кутузке, рекрутство, жареная картошка – и подспудное ощущение, что оказался в ловушке... Здесь, у берега Днестра, сохранились остатки леса или парка. Я пошел по мокрой траве, прислушиваясь, как глухо потрескивают сучья у меня под ногами. За большими стволами, размышляя, меня вряд ли заметят. Да и сумерки: воздух стал совсем серо-лиловым. Я вышел к Дубоссарской ГЭС, она тихо заглатывала воды; подобно киту, процеживала их, выпуская из своего тела энергию. Как ни странно, станция до сих пор обеспечивала электричеством обе стороны. Правда, один блок, как говорят, уже разбит... Я почувствовал, что моя куртка основательно отсырела и парко прилипла к телу. Ощущения были странные и непривычные. В какие-то мгновения мне казалось, что обе стороны вдруг покинули позиции и тихо уползли на многие километры – к своим отчаявшимся женам, матерям, отцам. Хотя я все прекрасно понимал, знал, что и почему и как надрывно обрывается тишина, когда кто-то невидимый, но густо закачанный злобой, нажимает спусковой крючок и испытывает от этого жестокий конвульсивный оргазм... Я повернулся спиной к притворно тихо шумящему Днестру, побрел обратно. Неожиданно, как мне показалось, из-под земли, раздалось:

– Рискнешь, браток!

Я посмотрел вниз и увидел окоп, в который чуть не свалился.

– А что, – спросил я, – с той стороны могут достать?

– С какой той? – усмехнулся мой собеседник, пожилой мужик лет сорока пяти. – С этой стороны, парень. В ста метрах у них передовые окопы.

– Да? – задал я дурацкий вопрос и, чтоб не выглядеть совершенным идиотом, не стал сразу прыгать в окоп, а выдержал храбрую паузу. Мне почему-то подумалось, что в такой ситуации лучше сыграть роль несколько флегматичного и задумчивого героя. После чего я с удовольствием спрыгнул в окоп, а приземлившись, озарился очередной мыслью: «Удел рядового – не знать ни черта, что вокруг происходит. Был бы хоть заваливающим командиром, сразу бы поинтересовался, где противник, где наши, где ваши и т. д.».

– Новенький, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес мужик. – Автомат-то приходилось держать в руках?

– А как же...

Вопрос несколько покоробил меня. Неужели еще не знают, что прибыли, черт побери, два крутых «афганца», стреляющие навскидку, вдвоем способные навести шороху по всему этому берегу и разобраться с бурундуками, опоновцами, волонтерами и прочей шоблой?

– Сколько времени-то? – спросил он.

– Начало десятого.

– Скоро сменят. – Он потянулся, вздохнул. – Уже месяц, как безвылазно кантуемся здесь. По бабе соскучился, как последний гад... А представляешь, у меня отсюда двести шагов до дома. А не уйдешь... Ты откуда родом-то?

– С Дальнего Востока.

– Ого, далековато... хотя кого у нас сейчас здесь нет. Вовчик! – вдруг позвал он. – А ну, принеси лягушачью кожу!

– Чо, промок?

Мне снова показалось, что голос прозвучал из-под земли. Оказалось, так оно и было: в нескольких шагах от нас отдернулся полог, и из какой-то черной ямы показалось светлое пятно лица. Вовчик выполз, так и не разгибаясь, протянул что-то свернутое вроде плаща.

– Общевоинской защитный комплект... – узнал я. – Лучшее средство от ядерного взрыва. Долго не мучаешься.

– Ну, до ядерного взрыва еще далеко, – пробормотал мой собеседник, кутаясь в ядовито-зеленый плащ. – А вот от гнусного дождя – то самое... А ты, браток, чего зазря мокнешь? Иди в дом, там подвал у нас есть, переночуешь. Только не поверху иди, а прямо по окопу, так и выйдешь.

Я поблагодарил и пошел по грязному склизкому дну, представляя, в каком болоте придется здесь жить во время проливных дождей. Чем хорош был Афган – там не было окопного противостояния, хотя вместо слякоти вдосталь хватало пыли. Но об этом отдельный разговор, ибо пыль там – не просто некая покрывающая часть поверхности, а составная образа жизни, стихия, не менее страшная и коварная, чем морская, сила урагана или извержение вулкана...

Меня искали. Сытый, но бледный Корятов сказал, что так не поступают настоящие друзья. Я строго ответил, что ходил на рекогносцировку. Впрочем, остальным я был до фени. Правда, капитан Опанасенко, он же заместитель командира роты, сурово упрекнул, хмуро подкрутив свой ус:

– Ты вроде офицер, а ни хрена не сечешь в дисциплине. Еще раз повторится, будешь у меня сортиры чистить.

Но это, конечно, он погорячился, поэтому даже не возразил, когда я кратко выразил свое мнение:

– Вот уж хер вам!

– Ладно, – сказал Опанасенко, помолчав, – ты, я вижу, бедовый парень, но смотри, я предупредил... Здесь военное положение, чикаться не будем.

Я кивнул, не желая больше продолжать этот разговор.

– Пошли покажу, где переночуешь, и товарища своего позови.

Втроем мы спустились в довольно просторное подвальное помещение. Здесь было около тридцати коек с матрасами и подушками. Простыней и наволочек, конечно, не наблюдалось.

– Здесь мы и живем. Коек на всех не хватает, да это и не надо: треть личного состава – в окопах, на боевом дежурстве. Вон там в углу две свободные, туда и ложитесь.

Только сейчас я почувствовал отупляющую усталость. Я повалился на кровать, Ваня последовал моему примеру. Лампа светила резко, и все же по углам стоял полумрак. Ото всюду: от стен, матраса, от покореженной тумбочки – шел затхлый дух; сколько ни обживай этот сырой каземат, все равно останется тухлой дырой. Я лениво осмотрелся. В углу рядом со мной валялись обломки коммунистической пропаганды: всяческие плакаты наглядной агитации, обрывки красной материи с фрагментами цитат классиков, жестоко изувеченный портрет, точнее, его остатки – хорошо известная лысина с подрисованным, как у оригинала, пятном, а также рогами. На стене еще висели странные здесь плакаты типа «Не стой под стрелой» и «Не пей кислоту». Но особенно меня тронул плакат о вреде алкоголя. На передовой такая забота очень умиляет. От вида останков былой жизни я стал зевать и уже собирался смежить веки,

но не тут-то было. Меня и Ваню стали допытывать вопросами. Впрочем, этих ребят можно было понять: появились свеженькие люди, захотелось пообщаться, а мы, как бирюки, завалились в угол, будто неделю не спали. В общем, пришлось нам рассказывать в очередной раз свои биографии и заодно знакомиться с ребятами. Здесь, впрочем, были и известные нам лица: юный Юрчик – крутой парень, мужик, с которым я общался в окопе, – назвался он Гришей. Еще здесь скучал чернобородый цыган по имени Марек, он тренькал на своей гитаре совсем не цыганское – что-то неуловимо советско-эстрадное. Потом он резко встал, и тут я заметил, что у него нет двух пальцев на правой руке. «А еще и играет», – подумал я. Марек стал ходить взад-вперед, его явно точила какая-то мысль. Я тоже встал, подошел к Грише. Он лениво ковырял присохшую к сковородке картошку.

– Чай есть? – спросил он у Юрчика.

Тот взял со стола чайник, я принял его, взял две кружки, налил Грише и себе.

– Вчера ночью как шарахнули из гранатомета по крыше, а потом из крупнокалиберного пулемета на довесок, – прожевав корку, стал рассказывать он. – Ну, думали, завалится крыша, потом хрен откопаешь. Но ничего, научно сегодня посмотрели, еще подержатся эти стены. А вот здание метеоцентра, ты же проходил там, – показал он рукой неопределенно, – еще неделю назад стояло, а сейчас один фундамент остался. Танки подогнали и стали лупить прямой наводкой. Пока не сыграли начисто.

– Ну-ну, – сказал Ваня, показав на потолок, – в следующий раз наше здание сроят.

– Не сроят, – сказал Юрчик со своей койки, – перемирие объявили.

– Какое, в задницу, перемирие, – раздраженно заговорил Григорий. – На моей памяти уже десять таких перемирий было. Сейчас нажрут вина и начнут пулять.

– Точно, – сказал цыган Марек и замер, будто прислушиваясь к внутреннему голосу. – Точно! Сейчас вина «буль-буль», потом – огонь.

– Эх, блин, когда же все это кончится! – неожиданным баском заговорил Юрчик. – Неужели там, «наверху», не могут договориться? Всю жизнь, что ли, в этих окопах сидеть будем?

– К молодой жене потянуло? – усмехнулся Гриша.

– А то... У меня, между прочим, дядя Гриша, еще медовый месяц идет. В окопах.

– Нечего было жениться. Тебе сколько лет – шестнадцать?

– Восемнадцать.

– Все равно рано, верно, Марек?

– Не знаю, – ответил цыган, очнувшись от своих цыганьих дум. – У нас еще раньше женятся. Волосы между ног выросли, значит, можно!

– Здорово у вас, – оценил Гриша. – Оттого, наверное, все вы такие ушлые.

– Мы не ушлые, мы – сообразительные, – ответил Марек.

Восстановилась тишина. Цыган встал, подошел к заколоченному оконцу и оцепенело остановился перед ним.

– Ну не мучься, сходи! – лениво проговорил Гриша. – Деньги дать?

– Сходить? – оживился Марек.

– Сходи. А то вот пополнение и угостить нечем, – Гриша кивнул в мою сторону.

Цыган снял куртку со спинки кровати, пощупал ее, пробормотал «мокрая», быстро надел ее и, схватив сумку, исчез.

– Время пошло, – с оттенком торжественности сказал Гриша, – через полчаса будет.

Но прошло полчаса – Марек не вернулся. Появился он только через час – мокрый, с блестящим лицом и горящими лихорадочно глазами. С жалкой бородачки капала вода, он шмыгал носом и был весьма удручен.

– Нету нигде, – наконец сказал он.

– Ну и дела... – оценил ситуацию Гриша. – Сказать кому, что в Приднестровье нет молдавского вина, заплюют заживо.

Наверное, от этого все окончательно скисли. И разговоры пошли совсем похоронные. Вспомнили про какую-то семью, которую на машине задержали на той стороне. Жену изнасиловали, привязав гранату к спине, а измордованный труп мужа нашли только вчера.

– Хочешь, завтра посмотришь, здесь недалеко, – предложил Гриша.

Но я отказался. Ничего хорошего в зрелище изувеченной и полуразложившейся человеческой клетчатки. А насчет того, что это прибавляет злости, так мне ее и так некуда девать. Мне надо найти следы Валеры Скокова – это святое, то небольшое, что остается после долготерпения войны. Все остальное – развалины, обломки на месте того, чем было государство, наша былая жизнь; все слова, заклинания, поучения, заявления, протесты, речи, благословения и прочая обращенная к народу болтовня есть бредятина, блевотина и мерзость...

А ребята – как сговорились. Просто тоска. Я даже подумал, может, попугать решили нас с Ванюшей. Но потом понял, что у них такое хреновое настроение: идет дождь. Вина нет. Перемирие, которое хуже, чем перестрелка, потому что ждешь, что вот-вот начнется, а ждать ты должен каждую минуту. Вот и разговоры такие. Например, что делает с пленными гвардейцами полиция особого назначения Молдовы. Самое простое – это граната на пузо для раненого: чтоб с ним не возиться. А вот с более или менее целыми существует уже «этикет» обращения; вырезают звезды, жгут паяльной лампой, отрезают всякие конечности, ослепляют. Хотя «работает» таким образом не только полиция; есть у них еще какие-то волонтеры, «барсуки» – те вообще законченные бандиты, на которых даже в Кишиневе не могут найти управы.

Ребята продолжали вспоминать всякие подобные истории, называли погибших друзей, а меня и Ванюшу это не трогало. У меня все слипалось, даже уши, но очень правильную фразу моего товарища Кобытова я таки расслышал. Последовала она после глубинного вздоха:

– Ребята, все это мы уже проходили. Тут что, ерунда. Вот в Азии наши друзья душманы такими выдумщиками были...

И Кобытов как мог живописал про особо изысканную штучку: кожа сдирается и завязывается над головой – так, что жертва задыхается в этом ужасном мешке. Называется это «розочка».

Я не выдержал, расплющил слипшиеся губы и заорал:

– Кобытов, заткнись, мне надоела эта идиотская тема!

Но тут почему-то младожен Юрчик сказал:

– Вам неинтересно – не слушайте!

– Ничего тут интересного нет, глупый ты мальчик, – сказал я в сердцах. – Все это очень гнусно.

И все со мной тут же согласились. А Гриша предложил поспать.

Значит, действительно все это было гнусно.

Я заснул и сквозь неполноценный подвальный сон слышал, как кто-то матерился вполголоса, может, оттого, что мы с Кобытовым заняли места, а прибывшим из окопов негде было притулиться. Но никакая сила уже не смогла меня поднять, я вновь проваливался в душное и тяжкое забытие... Потом мой слух привычно уловил автоматные очереди, и, еще не проснувшись, я уже знал, что привычно схвачу свой автомат, влезу в бронежилет, «лифчик», забью его свежими магазинами, новенькими блестящими гранатами да сыпану еще в рюкзак запасных сотню-другую патронов, пяток сигнальных ракет... А потом мы ринемся к вертолетам, вознесемся под грохот двигателей в пыльное небо и сядем у какого-то чертового кишлака, у какой-то богом забытой тропы с окаменевшим овечьим дерьмом и почерневшими гильзами на обочине... И мы раскурочим, раздолбаем, изувечим, сметем с лица земли караван с оружием или без оружия, накроем «нурсами» с полета бродячую банду душманов, потом стремительно

сядем ей на голову, чтобы добить, дострелять оставшихся в живых. А потом мы вернемся, пропыленные, провонявшие потом, в чуждой и своей крови, вытащим раненых, если кого-то ранят, или убитых, если случится и такое... А потом мы долго будем молчать и, если будет что выпить, приговорим это быстро, без лишних слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.